

Ганина О.А.
ganinaoa@yandex.ru

Селеткова Г.И.
guzal.ka@mail.ru

Федотова В.А.
fedotova888@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Пермский национально-исследовательский
политехнический университет»,
Пермь, Россия

DOI: 10.24153/2079-5912-2018-9-3-14-18

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ В ЛОКАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Аннотация: В статье авторы представили специфику влияния глобальных тенденций миграции населения на региональный уровень. Авторы анализируют особенности миграционной ситуации в мире и отдельно в локальном контексте, начиная с 90-х по 2017 год. В частности, авторами рассматриваются основные характеристики процесса миграции в Пермском крае. Выводы сделаны на основе метода группировки статистических данных, сравнительного анализа, анализа документов. Наряду с мировыми тенденциями, которые имеют явное соответствие в локальном контексте, авторами выявлены тенденции, имеющие неоднозначное отражение в локальной ситуации.

Ключевые слова: миграция, процесс миграции, мировые тенденции, региональный анализ.

Характер миграционных процессов в современном мире усложняется, меняется их структура, направленность и другие особенности. Обсуждение проблем миграции перешло с теоретического описания к включению миграции в стратегию устойчивого экономического развития стран.[1] В таких условиях является актуальным изучение глобальных миграционных тенденций в их локальном воплощении. В распоряжении исследователей данной проблематики значительное количество работ, посвященных международной миграции населения, а также ее социальным последствиям. В том числе работы Дж. Борджеса, С.Л. Брю, С.П. Лонгхи, Д. Карда, Дж. Пери, В.А. Вишневого, А.И. Лебедевой, О.Д. Воробьевой и других. Изучением миграционных процессов в Пермском крае занимается К.А. Антипов[2], Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина [3] и другие.

П. Кивисто и Т. Файст предлагают классификацию существующих подходов к исследованию миграции: изучение перемещения людей через границы (movement), контроля над мигрантами (control), анализ процессов поселения (settlement) на новом месте[4]. Последний тип больше свойственен для социологических исследований, к нему можно отнести работы Т.И. Заславской, Н.В. Мкртчян, Т.Н. Юдиной, которые исследуют проблемы адаптации мигрантов на новом месте.

Социологическая традиция изучения миграции берет начало в трудах М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса, Р. Парка, Л. Вирта, Э. Берджесса и других. Классический подход исследования процессов миграций содержится в труде У. Томаса и Ф. Ф. Заннецкого, в котором раскрываются последствия миграций и адаптация мигрантов[5].

Целью авторского исследования выступило сопоставление глобальных тенденций миграции с локальными миграционными процессами. Опираясь на методы группировки статистических данных, анализа документов и сравнительного анализа, авторы на основе данных, представленных мировыми статистическими организациями, к глобальным относят следующие тенденции миграции.

1. **Рост миграционных потоков.** Растет абсолютное число и относительная доля мигрантов – 258 млн чел. на 2017 год (3,4% от мирового населения), против 248 млн на 2015 г., 220 млн на 2010 г., 191 млн на 2005 г., 172,6 млн на 2000 г. (2,8% от мирового населения) [6].

2. Миграция оказывает значимое **влияние на численность населения** – либо положительное, вплоть до перекрытия естественной убыли населения за счет сальдо миграции, либо отрицательное, существенно снижающее естественный прирост населения.

3. Миграция снижает **демографическую нагрузку** в странах-реципиентах мигрантов. Две трети мигрантов (74%) находятся в **трудоспособном** возрасте от 20 до 64 лет (сравн. с 57% мирового населения данного возраста) [6].

4. **Феминизация.** В мире доля женщин-мигрантов составляет 48,4% и почти не меняется с 2000 г. (-0,9%) [6], но растет по отдельным регионам назначения, за исключени-

ем Африки и Азии. Трансформируется миграционное поведение женщин: от следования за мигрантом-мужчиной, своим мужем или родственником, женщины все чаще мигрируют по собственной инициативе, растет число незамужних женщин-мигрантов.

5. **Рост среднего возраста** мигрантов: в 2017 г. средний возраст мигрантов составил 39,2 года, по сравнению с 38 годами в 2000 г. При этом существуют региональные различия, так в Латинской Америке и Азии средний возраст уменьшился. [6]

6. Преобладание **экономических причин** миграции. Растет доля мигрантов среди населения стран с высоким доходом: 9,6% в 2000 г. и 14% в 2017 г. Страны с высоким уровнем дохода принимают 2/3 мигрантов мира (64%, см. Рис. 1). В то время как каждый десятый мигрант в мире – беженец, но 84% этих беженцев едут в страны с низким/средним доходом.

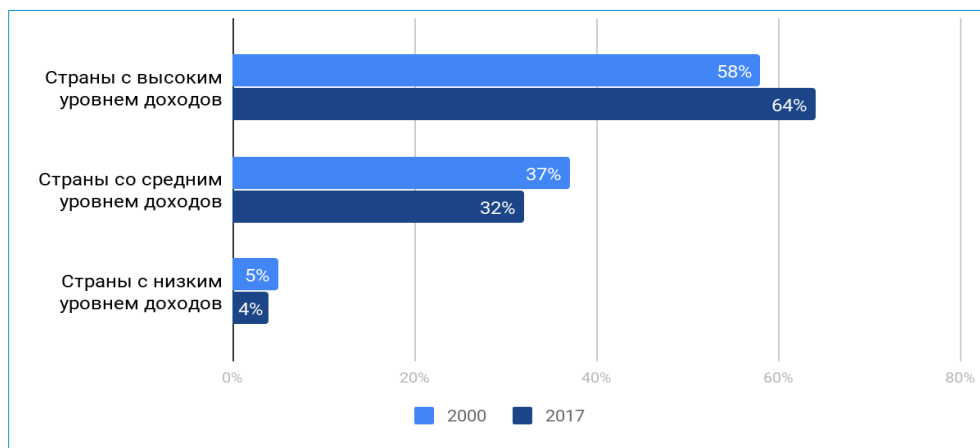

Рисунок - 1. Распределение международных мигрантов по странам с различным уровнем доходов, %
Источник: составлено авторами на основе данных International Migration Report 2017 [6]

7. **Урбанизационный характер миграций:** около 20% всех мигрантов живут в крупнейших городах мира и составляют 1/3 населения Сиднея, Окленда, Сингапура и Лондона, а также ¼ Амстердама, Франкфурта и Парижа [7].

8. Рост миграционного **потока Юг-Юг** (из развивающихся в развивающиеся, 90 млн чел., 37% мигрантов) в сравнении с потоком Юг-Север (из развивающихся в развитые, 85,3 млн, 35% мигрантов), Север-Север (55,2 млн, 23% мигрантов), Север-Юг (13,6 млн, 5% мигрантов) [7].

Данные тенденции возможно объяснить через теорию факторов “притяжения” и “выталкивания”. Проживание более половины мигрантов в 10 странах объясняется наличием факторов “притяжения”: особенности миграционного режима, демографический спад в принимающих странах, высокий уровень жизни. Среди факторов “выталкивания” социально-экономическое неравенство, неблагоприятная экономическая или политическая ситуация в стране выезда, излишек трудоспособного населения и пр.

Совокупность факторов притяжения и выталкивания дает ощутимый импульс миграции населения, что в целом и отражается в тенденции роста миграционных потоков.

Глобальные миграционные тенденции имеют различную специфику в разных регионах мира, в отдельных странах, в том числе и в России. Исследовательский интерес представляет отражение глобальных тенденций на локальном уровне, а именно, на уровне Пермского края.

Пермский край занимает 18 место по численности среди 85 субъектов РФ. Население Пермского края на 2017 г. составляет 2 млн 623 тыс. человек и характеризуется высоким уровнем урбанизации – чуть более 75% проживает в городах. [8] С 1990 года для данного региона характерна значительная убыль населения, связанная со снижением рождаемости и старением населения. В последние 5 лет естественная убыль населения впервые почти за 30 лет от отрицательных приблизилась к нулевым и положительным значениям.

Сопоставим глобальные тенденции миграции с их локальным отражением. Наблюдается рост миграционных потоков и среди прибывающих, и среди покидающих Пермский край: в 2011 г. выбывших было 63 459 чел., прибывших 62 652 чел, а в 2017 г. выбывших уже 88 717 чел., а прибывших 82 688 чел. (см. рис. 2). При этом основная часть

этих миграций (71%) – это внутренние миграции региона. Миграции оказывают значимое влияние на численность населения края – к сожалению, сальдо миграции уже традиционно отрицательное на протяжении почти всех 27 лет с 1990 года, за редким исключением.

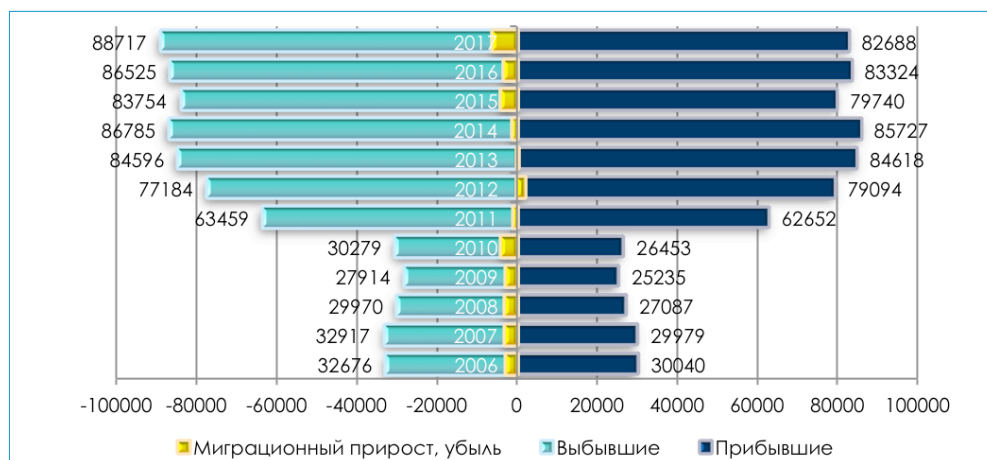

Рисунок - 2. Показатели миграционных потоков населения в Пермском крае, чел.
Источник: составлено авторами на основе данных Пермьстата [9]

Миграции Пермского края в части входящего потока снижает демографическую нагрузку, т.к. основная часть мигрантов трудоспособного возраста. Однако уровень их квалификации создает смещение рынка труда в сторону низкоквалифицированной рабочей силы в связи с низким уровнем образования приезжающих. Среди мигрантов только четверть (26,2%) имеют профессиональное образование, и лишь 16,5% – высшее или незаконченное высшее. Феминизация миграций наблюдается в том, что женщины-мигранты, приезжающие в Пермский край, в целом образованнее, чем мужчины. Половина (51,5%) приехавших женщин имеют профессиональное образование, в том числе 22,3% – высшее [10].

В Пермском крае наблюдается рост медианного возраста мигрантов входящего миграционного потока, однако относительно исходящего – обратная тенденция. Около 60% миграционных потерь ПК составляет молодежь в возрасте от 15 до 25 лет. Они уезжают в более крупные города получать высшее образование, либо искать работу с уже полученным в Перми высшим образованием.[3]

Среди причин миграции в Пермском крае отмечается преобладание экономических причин: приезжающие стремятся найти здесь заработок, а уезжающие – более широкие жизненные возможности, прежде всего, связанные с уровнем жизни. Центрами притяжения мигрантов Пермского края выступают территории с более высоким доходом. Оттягивающая роль Москвы нигде больше в Прикамье не играет такой роли как в Перми, ее место занимает Свердловская область, роль которой в оттягивании населения сравнима с ролью всех остальных территорий страны.

Города Пермского края теряют население за счет межрегиональных переселений, но в большой степени компенсируют это притоком из сельской местности и из других стран. Села Пермского края – миграционные доноры и для городов Прикамья, и для других регионов.

Урбанизационный характер миграций проявляется в потоке мигрантов из сел Прикамья в города Пермского края, из городов – в региональный центр, а из Перми – в более крупные центры Урала (в первую очередь, в Екатеринбург) и столичные города России, Москву и Санкт-Петербург.

Территории, притягивающие население, находятся в центре и на юго-западе края. Отток отмечается на юго-востоке – Кунгур, Чусовой, Лысьва, сильный отток – на севере края, Березники и Соликамск. Самый сильный отток наблюдается на северо-востоке Прикамья в городах и районах угледобычи, где произошло свертывание производства – города Кизел и Гремячинск, Губаха, Александровск. То есть теряют население, прежде всего, территории с более экстремальными природными условиями и с выраженной моноотраслевой структурой экономики (если это не районы нефте- и газодобывающей промышленности).

Резюме

В условиях глобализации и повышения мобильности населения, изучение процессов миграции представляется довольно актуальным с точки зрения устойчивости социально-экономического развития территорий.

В настоящее время множество исследований посвящено проблемам миграции. На основе анализа теоретических и практических исследований авторы поставили цель выявить специфику влияния глобальных тенденций миграции населения на региональный уровень. На основе данных глобальной статистики выделяются восемь основных тенденций миграционных процессов в мире. Авторы пришли к выводу, что большая часть тенденций на локальном уровне Пермского края однозначно соответствуют мировым тенденциям.

Среди локальных тенденций миграции, соответствующих глобальным миграционным процессам, можно отметить рост миграционных потоков, значимое влияние миграции на численность населения (отрицательное сальдо миграции), снижение демографической нагрузки за счет входящего потока миграции, феминизация миграции (приезжающие женщины-мигранты более образованы, чем мужчины), преобладание экономических причин миграции, центры притяжения мигрантов – территории с высоким доходом, урбанизационный характер миграций – Пермь отдает свое население более крупным городам, а сама пополняется из более мелких поселений края. Однако, некоторые тенденции имеют неоднозначное отражение в локальной ситуации. Так рост медианного возраста приезжающих мигрантов повышается у приезжающих, но снижается у выезжающих. Кроме того, увеличение в мире потока из развивающихся стран в развивающиеся (поток «Юг-Юг») не реализуется в Пермском крае, здесь отмечается направленность миграции из развивающихся в развитые, с Севера на Юг, с Востока на Запад.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. King R., A. Lulle. 2016. Research on Migration: Facing Realities and Maximizing Opportunities: A Policy Review. Brussels: European Commission.
2. Антипов К. А. Проблемы трудовой миграции в Пермском крае // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 151-152.
3. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2009. Т. 7. С. 688-712.
4. Kivisto P. Beyond a Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration / P. Kivisto, T. Faist. – Sage, Pine Forge Press: 2010. Doi: 10.4135/9781483349404.
5. Thomas W. and Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. —N.-Y.: Dover Publications, 1958.
6. The International Migration Report 2017 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs P. 4-25 URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/international-migration-report-2017.html> (дата обращения 5 июня 2018 г.)
7. Global migration trends factsheet 2015 // International Organization for Migration, IOM's Global Migration Data Analysis Centre. URL: <http://gmdac.iom.int/global-migration-trends-factsheet> (дата обращения 5 июня 2018 г.)
8. Сайт Пермьстата. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю /Официальная статистика / Население (данные на 2017 г.) – URL: <http://permstat.gks.ru> (дата обращения 5 июня 2018 г.)
9. Пермский край в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник/Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. – Пермь, 2017. – 180 с.
10. Станишевская С.П., Якупова И.Н. Анализ миграционных потоков в пермском крае в условиях асимметричности информации. // Вестник Пермского Университета. Экономика. – 2015. №2(25). С. 127-134.

Ganina O.A.

Perm National Research Polytechnic University,
Russia, Perm
ganinaoa@yandex.ru

Seletkova G.I.

Perm National Research Polytechnic University,
Russia, Perm
guzal.ka@mail.ru

Fedotova V.A.

Perm National Research Polytechnic University,
Russia, Perm
fedotova888@yandex.ru

GLOBAL TENDENCIES OF MIGRATION IN THE LOCAL SITUATION OF PERM TERRITORY

The article presents the specifics of the impact of global migration trends on the regional level. Special attention is paid to the analysis of the migration situation in the world and separately in the local context from the 1990s to 2017. In particular, the authors consider the main characteristics of the migration process in the Perm Territory. Conclusions are made on the basis of the method of grouping statistical data, comparative analysis, analysis of documents. Along with global trends that have obvious correspondence in the local context, the authors have identified trends that have ambiguous reflection in the local situation.

Keywords: migration, migration process, world trends, regional analysis.

Resume: In the context of globalization and increasing mobility of the population, the study of migration processes seems to be quite relevant considering sustainability of the socio-economic development of the territories.

Currently, many studies are devoted to migration issues. Based on the analysis of theoretical and practical research, the authors aim to identify the specific impact of global migration trends on the regional level. In our article migration processes are defined as a series of migration events.

Based on the data of national statistics, global trends in migration processes are singled out, and the authors note the existence of a regional specificity of these processes. The authors come to the conclusion that most of the trends at the local level of the Perm Territory correspond exactly to the world trends.

Among the local migration trends that correspond to global migration processes, we can note the growth of migration flows, the significant impact of migration on the population (negative migration balance), the demographic burden reduction due to the incoming migration flow, the feminization of migration (migrant women arriving are more educated than men), the predominance of economic causes of migration, centres of attraction of migrants - high-income areas, urbanization of migration - Perm gives its population to major cities, and replenishes itself from smaller settlements in the region. However, some trends have an ambiguous reflection in the local situation. Thus, the growth of the median age of migrants arrives at visitors, but decreases for those who leave. In addition, the increase in the flow of developing countries from the developing world to the developed (the South-South stream) is not being realized in the Perm territory, where migration from the developing to the developed, from the North to the South, from the East to the West is marked.

Literature:

1. King R., A. Lulle. 2016. Research on Migration: Facing Realities and Maximizing Opportunities: A Policy Review. Brussels: European Commission.
2. Antip`ev K. A. Problemy` trudovoj migracii v Permskom krae // Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl`. 2012. № 4. S. 151-152.
3. Mkrtychyan N.V., Karachurina L.B. Migraciya v Permskom krae: opy`t analiza na regional`nom i municipal`nom urovnyax // Nauchny`e trudy`. Institut narodnoozyajstvennogo prognozirovaniya RAN. 2009. T. 7. S. 688-712.
4. Kivisto P. Beyond a Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration / P. Kivisto, T. Faist. – Sage, Pine Forge Press: 2010. Doi: 10.4135/9781483349404.
5. Thomas W. and Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. —N.-Y.: Dover Publications, 1958.
6. The International Migration Report 2017 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs P. 4-25 URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/international-migration-report-2017.html> (data obrashheniya 5 iyunya 2018 g.)
7. Global migration trends factsheet 2015 // International Organization for Migration, IOM's Global Migration Data Analysis Centre. URL: <http://gmdac.iom.int/global-migration-trends-factsheet> (data obrashheniya 5 iyunya 2018 g.)
8. Sajt Perm`stata. Territorial`ny`j organ Federal`noj sluzhby` gosudarstvennoj statistiki po Permskomu krayu / Focial`naya statistika / Naselenie (dannye na 2017 g.) – URL: <http://permstat.gks.ru> (data obrashheniya 5 iyunya 2018 g.)
9. Permskij kraj v cifrax. 2017: Kratkij statisticheskij sbornik/Territorial`ny`j organ Federal`noj sluzhby` gosudarstvennoj statistiki po Permskomu krayu. – Perm`, 2017. – 180 c.
10. Stanishevskaya S.P., Yakupova I.N. Analiz migracionny`x potokov v permskom krae v usloviyax asimmetrichnosti informacii. // Vestnik Permskogo Universiteta. E`konomika. – 2015. №2(25). S. 127-134.